

АРХИМАНДРИТ
СПИРИДОН (КИСЛЯКОВ)

ИСПОВЕДЬ СВЯЩЕННИКА

ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ

БЛАГОСЛОВЛЯТЬ
НА ГИБЕЛЬ И УБИЙСТВА?

ОСВЯЩАТЬ ОРУЖИЕ?

ПРЕКЛОНЯТЬСЯ ПЕРЕД
ЗЕМНОЙ ВЛАСТЬЮ?

ОБИРАТЬ НИЩИЙ
НАРОД?

«Я УВИДЕЛ

И ПОНЯЛ,

ЧТО ИЗ СЕБЯ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СОВРЕМЕННОЕ

ХРИСТИАНСТВО»

Религия. Война за Бога

Спиридон Кисляков

**Исповедь священника
перед Церковью**

«ЭКСМО»

1916

УДК 281.93
ББК 86.372

Кисляков С.

Исповедь священника перед Церковью / С. Кисляков — «Эксмо»,
1916 — (Религия. Война за Бога)

ISBN 978-5-04-091455-5

Об этом человеке мало что известно широкой публике. Главное произведение его жизни ни разу не публиковалось за последнее столетие в полном виде, в то же время трудно сравнить с ним по мощи, смелости, силе выразительности какую-либо другую книгу, написанную о следовании за Христом в XX веке. Этот человек — архимандрит Спиридон (Кисляков), эта книга — «Исповедь священника перед Церковью». Анархист, бунтарь, чудака, бесстрашный миссионер, протопоп Аввакум XX века, мистик, нашедший на Первой мировой войне свой путь в Дамаск, обличитель, которого «после всего этого» пожалел и уберег патриарх Тихон... Забытое имя возвращается, великая книга о подлинной свободе во Христе выходит. Рассказ о своей миссии, о встречах с интеллигенцией в умирающей Российской империи, с пророками новой культуры в демоническом огне революции, работа среди каторжников, многочисленные драматические сцены войны, смерть, безумие, и посреди всего этого поразительные гимны к Господу, настолько искренние и сильные, что это звучит как откровение среди ужасов мира, откровение, которое «как бы трубным гласом» звучит и сейчас.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-091455-5

© Кисляков С., 1916

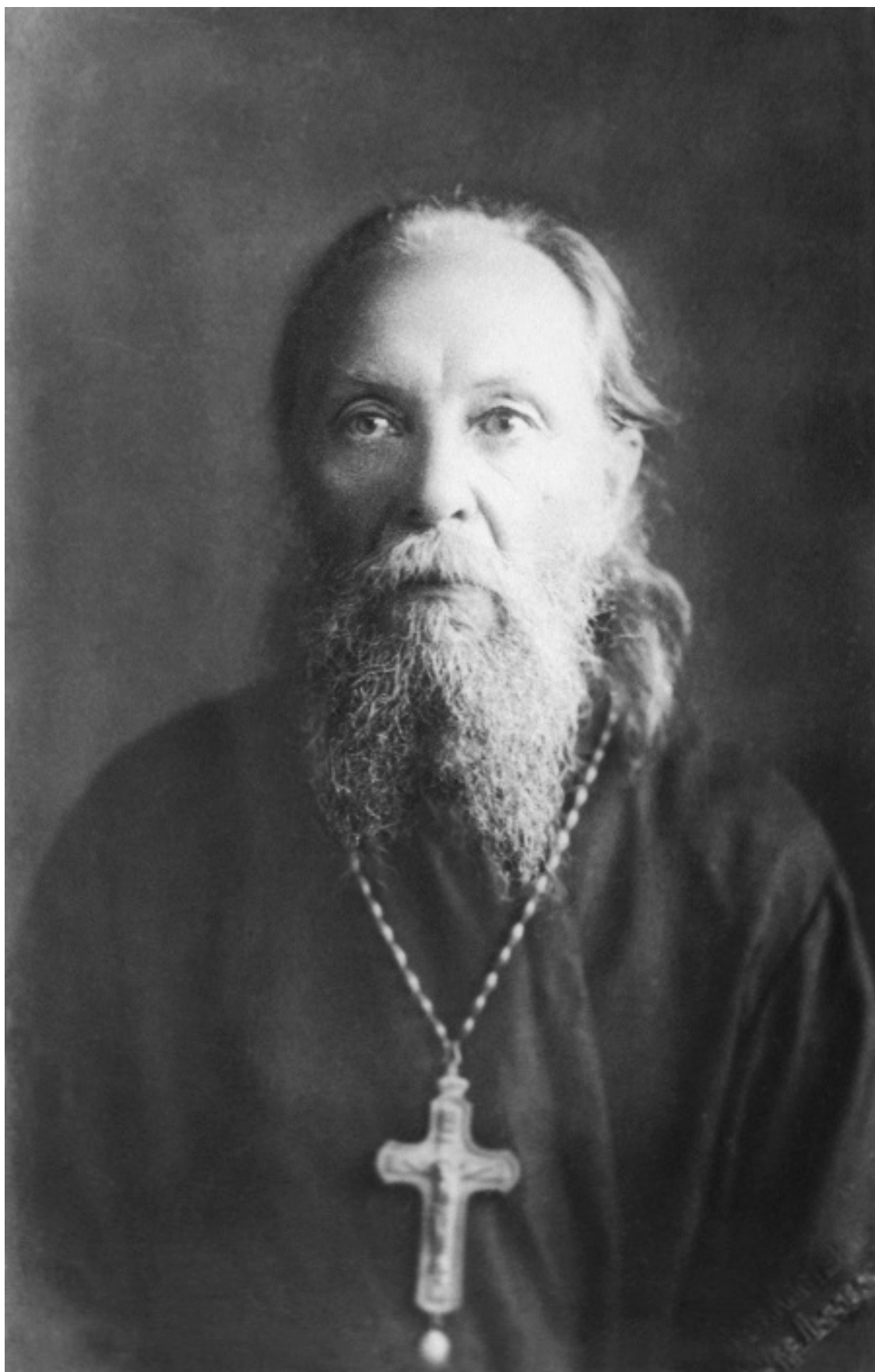
© Эксмо, 1916

Содержание

Исповедь священника перед Церковью	8
Предисловие	9
I	10
II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Архимандрит Спиридон (Кисляков)

Исповедь священника перед Церковью

Архимандрит Спиридон (Кисляков)
1875–1930

Исповедь священника перед Церковью

Предисловие

Когда пленник после долгого плена возвращается на родину, то он ждет не дожидается, когда вступит на свою любимую землю и увидит своих родных и близких. И когда увидит, то плачет от радости и спешит рассказать о том, как он жил на чужбине, как тосковал по родине, как томился и страдал.

Я теперь в своих глазах подобен пленному, всеми силами души стремящемуся на свою милую родину, к радостной духовной жизни во Христе. Первые двадцать лет своей жизни я жил в своем сознании на родной стороне, на свободе Евангельской жизни. А затем попал в плен языческому миру и двадцать три года был жалким пленником на духовной чужбине. Теперь, мне верится, я вновь вступаю на свою родную землю, теперь снова душа моя горит желанием служить одному Христу, и я хочу поведать всем близким и родным по духу о своей великой радости, когда перед глазами моими открылся родной край, и о тех ужасах одинокой и несчастной жизни, какие пережил я на далекой чужой стороне.

Исповедую свою веру и рассказываю о своей жизни всей Церкви единственно потому, что думаю, не послужит ли моя горестная повесть на благо и радость душам христианским, и находящимся в тихой пристани духовной жизни, и обуреваемым волнами сомнений, колебаний и мирской суеты. Никого не хотел бы я в своей исповеди ни судить, ни осуждать, ибо себя самого считаю первым грешником в Церкви и только благодарю Господа за Его ко мне милость. И если что скажу резко или даже жестоко, то всех прошу простить меня, ибо кричу я от одного воспоминания той страшной боли и тоски, какие я пережил, и от ужаса, когда вижу, что и другие, мои близкие братья по вере, идут путями, подобными тем, какими я долгие годы шел ранее. А всего более горю и ужасаюсь, когда вижу Господа Иисуса пренебрегаемым в самой Церкви Его и заповеди Его вижу поруганными от самих христиан. Каждое творение славит Господа и исповедует Его как умеет. И я во имя и славу Его исповедую и скорби души моей и радость веры моей, исповедую, как умею, от чистого сердца и с горячим желанием, чтобы мое слово не меч и разделение внесло в Церковь Христову, но послужило нашей общей духовной пользе и взаимному назиданию.

Автор

I

Не знаю, кем я был до своего появления в мир. На землю я появился в 1875 году. Родители у меня бедные крестьяне. Первых три года я не помню, с четвертого же года своей жизни до сего дня я помню все. Я очень рано почувствовал в себе влечение к одиночному созерцанию Бога и природы. Насколько припоминаю, меня с самого раннего возраста соседи считали каким-то странным мальчиком. Я чуть ли не с пяти лет начал сторониться своих товарищей по своему детскому возрасту и уходить в лес, бродить по полям, просиживать на полевых курганах, где отдавался размышлению о том, есть ли Бог, есть ли у Бога жена, дети, что Он ест, пьет, откуда Он явился, кто Его родители, почему Он Бог, а не другой кто-либо, почему я не Бог, что такое я, почему я хожу, киваю головой, говорю, ем, пью, сижу, лежу и т. д., а деревья, травы, цветы этого не могут делать. Больше всего на меня производили сильное неотразимое впечатление солнце и в ночные часы звезды. Я никак не мог понять, каким образом солнце движется.

Были дни, когда я так увлекался солнцем, что вечером, ложась спать, думал: вот завтра, как встану, то обязательно пойду туда, откуда оно появляется, только нужно ломоть хлеба взять и чтобы меня не увидела мама. Не менее солнца меня сильно занимали и звезды. Я никак не мог понять, почему они только показывались ночью, что они такое, живут ли как люди или они зажженные лампы. Особенно меня приковывал к себе Млечный путь. Однажды я от своего товарища, мальчика, услышал, что как его учитель, который жил у них на квартире, он рассказывал его родителям, что Солнце во много раз больше всей Земли, а звезды такие же большие, как наша Земля, а есть из них некоторые и больше Солнца, а кажутся они нам потому лишь такими маленькими, что очень и очень высоко от нас находятся. Этот мальчик своим рассказом до того меня заинтересовал, что я от сильного впечатления всю ночь напролет не спал. Рано утром, только что появилось солнце, я отправился к этому учителю. Учитель принял меня и, когда узнал цель моего к нему прихода, то сейчас же начал мне рассказывать о Земле, о Солнце, о звездах и т. д.

Как сейчас помню, как с затаенным дыханием я слушал его, а минутами даже всхлипывал от каких-то торжественно-радостных слез. Мне казалось, что передо мною развернулась какая-то страшная, никогда не виданная мною картина.

Я долго его слушал. Когда же учитель закончил со мною беседу о природе и затем спросил, чей я мальчик и сколько мне лет, я, под впечатлением его рассказов, отправился на свой огород, где росла конопля, зашел в самую глубь этой конопли и, пав на колени, начал молиться Богу. Не могу сейчас припомнить, чего я в это время просил у Бога, но, как я сейчас припоминаю, чего-то я у Него просил. Молился я так усердно и с такими слезами, что у меня лицо распухло и глаза были налиты кровью. Через несколько дней после рассказа учителя я заболел и лежал несколько дней в постели. Мама моя после этой моей болезни стала на меня смотреть с каким-то беспокойством.

Не знаю, после этого сколько прошло времени, я уже стал учиться читать молитвы. Первая молитва была «Отче наш», затем «Богородице Дево», «Достойно есть» и т. д. Но нужно сказать правду, что я с самого детства почему-то любил молиться без чтения молитв, и это чувство до сего дня меня не покидает.

В нашем селе Козинки, Скопинского уезда, где я родился, были очень религиозные крестьяне, и мама моя часто водила меня к ним. Начало религиозной жизни в нашем селе было положено строившими нашу церковь тремя братьями Рябикиными. Они в часы отдыха собирали вокруг себя мужчин и женщин и читали им святое Евангелие. Впоследствии скопинское духовенство, заподозрив их в какой-то ереси, сослало Луку и Семена в Сибирь, и на свободе остался только третий, Иван. Они так глубоко посеяли религиозную жизнь в сердца наших козинцев, что даже и до настоящего времени Козинка, по своей религиозной жизни, является

исключительным селом во всем Скопинском уезде. Попадали также в наше село иногда и священники дивные. Особенно святой жизнью отличается настоящий батюшка, о. Григорий Стрекалов.

Общение с детства с религиозными людьми много доставило мне пользы, но больше всего мою детскую душу развивали леса, поля, солнце и звезды небесные. Я никогда не забуду, с каким сладостным восторженным чувством я всегда впивался в солнце или в дивный млечный путь небесных светил.

Когда мне было лет семь, тогда я еще чаще прежнего стал оставлять свой дом и находиться в поле. Часто с отцом, с дядей, с работниками я выезжал в поле. Тут еще сильнее природа располагала меня к себе.

Были ночи, когда все возле меня спало, и только я один бодрствовал, упиваясь до слез величественной красотой и гармонией небесных светил. Но что больше всего меня удивляло, так это то, что я всегда в самом себе, с самого раннего детства, чувствовал сильное влечение к молитве. Как бы своей красотой меня природа ни поражала, как бы она ни наполняла мое сердце и мой ум к себе благоговением, я все же чувствовал, что этого мне мало, что есть еще уголок в душе моей, чтобы заполнить который – нужна молитва. Но молитва не церковная, молитва не с молитвами, выученными наизусть, а молитва одинокая, детская молитва, которая роднит молящегося с Богом. О, как я был тогда счастлив! Сердце мое всегда было наполнено какой-то неизреченной радостью. Не скажу, что я верил в то время, а просто как бы ощущал, что Христос всегда со мною и что за этим миром, видимым миром, где-то вот недалеко находится Царство Божие, и мы все через малое время должны из этого видимого мира перейти в него и жить там вместе с Богом, вместе с Христом, и всегда я буду видеть Христа, всегда слышать Его дивное божественное учение.

Однажды как-то я услышал, не припомню от кого, что на Троицу в Иерусалиме апостолы получили огненные языки с неба и, никогда не учившись говорить иностранными языками, тут же, как получили огненные языки с неба, сразу начали свободно говорить на разных языках. Эта весть до того меня всколыхнула, что я еще до восхода солнца отправился искать Иерусалим.

Отошел от своего села каких-нибудь верст пять, идет мне навстречу женщина с ребенком на руках, спрашивает: «Куда ты, мальчик, бежишь?» Я остановился и, вместо того чтобы ответить на ее вопрос, начал сам ее расспрашивать о том, где находится Иерусалим и куда, в какую сторону мне идти, чтобы попасть в Иерусалим. Женщина смотрит на меня и улыбается, и я тоже стою и смотрю на нее и жду, когда она мне скажет о Иерусалиме и о дороге, по которой я мог бы скорее до него добраться. Женщина сказала мне: «Я слышала, что Иерусалим находится в той стороне, где садится солнце». Я поклонился ей и отправился в ту сторону. Шел я больше всего чистым полем. Пришел в Журавинский лес, вечером пошел сильный дождь, загремел гром, я тогда сошел с дороги, присел под куст. Наступила ночь. Хлеба у меня нет. Есть до смерти хочется. Утром на следующий день я встал и опять пошел по той же самой дороге искать Иерусалим. Только что стал проходить лес, как слышу, кто-то в след мне кричит: «Остановись, куда тебя черт несет». Я как оглянулся, то так и присел на месте. Это был мой отец. Он ехал верхом на белом коне и с плеткой в правой руке во весь карьер мчался ко мне. Когда он поравнялся со мной, то слез с коня, закурил махорку, посадил меня на лошадь и сам сел, и мы шагом отправились домой. К вечеру мы были уже дома. Мама со слезами встретила нас. Отец привязал коня к плетню, с плеткой в руке вошел в избу и этой плеткой такие нарисовал на всем моем теле языки, что я две недели не мог даже с бока на бок повернуться.

С этого же года я начал учиться грамоте. Первым моим учителем был один очень благочестивый крестьянин, сосед наш, Сергей Тимофеевич Тимошкин. Учился я плохо. Думаю, что причиной этому была та же самая природа, в которую я весь целиком ушел тогда. Но все же я начал читать Псалтырь, Евангелие и другие книги.

На восьмом году моей жизни стал я ходить в школу. Школа была для меня настоящей тюрьмой. Меня, дикаря, посадили с такими же, как я ребятами; крик, визг, какой-то для меня непонятный говор, все кричат, суетятся, и я чувствовал себя среди своих же товарищей детей очень и очень плохо. В школу я ходил два года.

В это время я очень увлекался жизнью святых, особенно производили на меня впечатление мученики и пустынножители, но среди них почему-то останавливал на себе мое внимание Ориген. Не могу сейчас припомнить, почему Ориген так глубоко врезался тогда в мою детскую душу. Я даже однажды видел его во сне. С котомкой на спине, длиннотелый, безбородый, босой, с палкой в руке, явился он мне.

Наш дом стали посещать в ту пору монахи и монахини, посылаемые по сбору из разных монастырей. Между этими монахами, хотя редко, заходил в наш дом один нашего села крестьянин, по имени Степан. Он временами юродствовал. Этот полуюродивый крестьянин стал на меня своей в высшей степени симпатичной личностью сильно влиять. В настоящее время Степан – иеромонах Пронского монастыря, отец Киридат¹. В один из летних вечеров вернулся я со своими овцами с поля домой, вхожу в избу, смотрю, в нашей избе сидит Степан. Я поклонился ему, он подходит ко мне и говорит: «Пойдем ли в монастырь помолиться». Я согласился. На завтра мы рано отправились в Пронский монастырь и к вечеру того же дня уже стояли в монастырской церкви. Нужно сказать правду, монастырь на меня не произвел особенного впечатления. Но вот что на меня произвело сильное впечатление, это лес, который кольцом обхватывает этот самый монастырь. Игумен монастыря, отец Миелетий, особенно настаивал на том, чтобы я остался в монастыре. Я его послушался. Первое послушание дали мне быть пономарем при церкви. Я ревностно нес это послушание. Несмотря на то, что я каждый день находился в церкви, я все же для успокоения души своей уходил в лес и там молился. Был однажды такой случай: кто-то мне сказал, что явилась где-то икона Божией Матери, что это знаменует скорое пришествие Страшного Суда Господня. Я тотчас рассказал об этом одному своему товарищу, мальчику, по имени Федот, и вот полезли мы с ним вдвоем на чердак одного здания и, в ужасе и глубоком отчаянии, что надвигается Страшный Суд, так горячо в течение нескольких часов молились Богу, что нас оттуда еле сняли. Степан часто уводил нас с Федотом в сад и там беседовал с нами о христианских добродетелях, особенно старался он мне внушить смирение и кротость. Так прожил я в этом монастыре два года. Окончилась моя монастырская жизнь совершенно внезапно таким образом: сидя вечером в трапезе, слышу я однажды, читают житие святого Стефана Пермского. Как услышал я о его миссионерской деятельности, то вспыхнуло в моей душе желание быть тоже миссионером. Окончилась трапеза, я пошел в келью. Спать не могу, сна нет. Вышел я из кельи и пошел в сад. В саду я предавался горячей молитве. Не знаю, просил ли я о чем Бога или просто изливал перед Ним свои чувства, не могу точно вспомнить, но в келью я уже больше не вернулся, а утром пошел прямо в церковь. Трудно мне сейчас все вспомнить, как это со мной случилось, но только я босой, без шапки, в одном подряснике, оставил монастырь и прилетел домой.

Дома родители меня встретили с каким-то ужасом. Они никак не могли понять, почему я так вдруг, в таком виде оставил монастырь. Дня через два после моего побега начальство монастыря узнало, что я нахожусь у родителей дома, игумен несколько раз присылал за мной, но я в монастырь больше не вернулся, а остался дома.

Живя дома, я по-прежнему рвался из села в поле, особенно когда хлеб начинал цвести. Боже мой! Как в это время я чувствовал себя хорошо! Казалось, каждая травка, каждый цветочек, каждый колос нашептывает мне о какой-то таинственной божественной сущности, которая так близка, близка человеку, всякому животному, всем травам, цветам, деревьям, земле, солнцу, звездам, всей вселенной. В таком опьяняющем чувстве я уходил в глубь хлебных полей

¹ Такого имени в святцах нет. Вероятно, монаха звали Кириак или Кирик.

и там предавался какой-то странной молитве: то плачу, то радуюсь, то дико кричу, обращаясь к небу, то ложусь, бывало, на спину и с затаенным дыханием ожидаю последней минуты жизни. Когда приходилось мне пахать или боронить, то я и здесь временами, особенно утром при восходе солнца и пении жаворонков, приходил в какое-то опьяняющее состояние духа.

В это время жил в нашем селе один крестьянин, по имени Семен Самсонович. Как сейчас вижу его: худой такой, тонкий, довольно высокий, но сутуловатый, лицо худое-худое, длинное, маленькая седенькая бородка, болезненный вид – однажды деревом его сильно придавило. Кто бы с ним ни повстречался, каждого он всегда первый приветствует: снимет шапку и, низко кланяясь, скажет: «Раб Божий, царство тебе небесное». Жил Семен очень бедно: когда он выдавал свою дочь, то гостей угощал на свадьбе одним хлебом и, вместо водки, святой иорданской водой. Замечательный это был человек. Однажды намолотил он ворох ржи и, сев неподалеку, стал охранять от домашних птиц. Не заметив Семена, сосед с мешком в руках пришел насыпать себе этой ржи. Насыпал полный мешок и никак не может поднять себе на спину. Подходит Семен Самсонович и говорит вору: «Раб Божий, подожди, я помогу тебе поднять», и помогает вору поднять украденное у него! Отдавал всегда Семен все последнее свое. Помню, раз подарили ему новый хороший овчинный тулуп, через несколько дней пришел какой-то странник, попросил, нет ли чего из одежды – была зима – сейчас отдает ему Семен свой хороший тулуп, только что подаренный, а после оказалось, странник-то в кабак его и снес. Никогда никого словом не оскорблял Семен, если кто его ругал или обзывал нехорошим словом, он на все всем отвечал: «Раб Божий, царство тебе небесное». Никогда он ни с кем не спорил, речь его была тиха, говорил мало. Любил он раньше всех приходиться в церковь, любил также звонить на колокольне в один колокол, и какой бы ни был ветер, холод, мороз, под колоколом стоял он всегда с обнаженной головой. А когда стоял на молитве, то слезами увлажнял свою голову. С этим-то Семеном я и познакомился, и мы полюбили друг друга горячо. Как-то зашел он к нам в избу, говорили мы с ним о многом, наконец он обращается ко мне с следующим призывом: «Пойдем, раб Божий, к Тихону Задонскому, помолимся ему, авось он укажет тебе путь спасения». Родители согласились меня с ним отпустить, и мы через два дня отправились в путь. Был Великий пост. Шли мы четыре дня. В монастыре мы исповедовались и причастились святых Тайн. Был в этом монастыре прозорливый иеромонах Иосиф, зашли мы к нему, он Семена принял очень хорошо, а мне сказал, что я через год буду на старом Афоне.

Когда мы вернулись обратно домой, то через неделю Семен опять, ничего не говоря своей жене, тайком отправился на богомолье в Киев. Это он уже одиннадцатый раз в своей жизни таким образом пошел в Киев на богомолье. Бывали даже и такие случаи в его жизни: вот кто-нибудь даст ему своего коня с сохой, чтобы он вспахал свою какую-нибудь десятину земли, видит он, что женщины-старушки потянулись на богомолье, останавливает их, спрашивает, куда они идут, услышит, что в Киев, к отцу Ионе, тут же моментально оставляет чужого коня на поле и без всякой котомки отправляется с ними на богомолье. Поистине редкий, дивный был христианин Семен Самсонович.

Вернувшись из Киева, через день Семен Самсонович посетил меня и мы провели этот день в духовных беседах. Он много рассказывал мне хорошего поучительного из своей прошлой жизни. Любил он говорить об апостоле Павле, он считал его выше всех святых, так как Павел, по его мнению, больше других апостолов любил Христа. Часто мы с Семеном уходили в поле и там в религиозных беседах проводили время. Семен как-то особенно любил меня, но что меня больше всего к нему привлекало, так это то, что он был в духовной жизни очень уравновешен, этим он особенно как-то подкупал к себе.

Кроме сего Семена у меня был еще другой близкий человек, Игнатий Иакимочкин, человек тоже богобоязненный, но далеко не такой, как Семен. Был еще и третий, и тоже в духовной жизни далеко уступал Семену. Часто посещал я их, а они в свою очередь бывали у меня, но моя душа была для них закрытой. Странное дело, в этом году я впервые почувствовал сильное

влечение к одной молодой девушке – чувство для меня совершенно незнакомое – но влечение это было совершенно чистое. Мне было тогда тринадцать лет. В этом же самом году моей жизни напали на меня впервые богохульные мысли. Любовь к девушке долго в моей душе не могла гореть, она скоро угасла, но богохульные мысли совершенно замучили меня. Я от них лишился аппетита, сна, стал не по дням, а по часам сохнуть и наконец слег в постель. Я от этих мыслей говеть боялся и так и не говел.

Настала Пасха. На второй день Пасхи приходит Семен и говорит мне: «Раб Божий Ягорий, Христос Воскресе. Царство тебе небесное». Я ответил: «Воистину воскресе». – «Что ты заболел, – продолжал Семен, – пойдем в Киев к святым угодникам, они нас ждут к себе в гости». – «Пойдем», – ответил я. Мама моя заплакала. Отца в этот день дома не было. «Раба Божия Пелагея, – обратился к моей маме Семен Самсонович, – отпускаешь ли ты в Киев сына к угодникам Христовым или нет? Чего же ты плачешь? Нужно радоваться, что сын твой пойдет в Киев на богомолье». – «Я ничего против не имею, но он какой-то у меня странный, чего доброго еще сбежит от нас куда-нибудь, а тогда вечно будем его оплакивать. Вот отец придет и мы тогда подумаем». – «Раба Божия Пелагея, – начал говорить Семен, – у нас у всех один отец – Бог, мы только Ему одному должны служить и служить без всяких размышлений». Через час или два приходит мой отец домой, немножечко выпивши. Мать ему передает, что я с Семеном хочу идти в Киев на богомолье и что для этого дела нужно достать мне паспорт. Отец задумался, потом, обращаясь ко мне, говорит: «Не знаю, что из тебя и будет, одни тебя очень хвалят, а другие считают за сумасшедшего дурака. Не знаю, что с тобой и делать: сколько раз бил я тебя, оставлял без обеда, наказывал, но ты все делаешь по-своему. Не знаю, что с тобой делать. Если хочешь идти в Киев, иди уже». Я возрадовался.

Дня через два мы отправились с Семеном в Киев. Шел Семен без всякой котомки, без посоха. Было ему тогда лет около шестидесяти. Первый день мы мало говорили между собой. У него, я заметил, была на душе какая-то тяжелая мысль. На второй день он совершенно стал другим, повеселел.

«Раб Божий, – начал первый Семен, – тебе теперь сколько лет». – «Четырнадцатый». – «Года идут, жизнь со дня на день все сокращается и сокращается, и не увидим, как приблизится конец земной жизни, а там уже суд Божий. Я как-то слышал от грамотных крестьян, они читали святое Евангелие, там говорится, что праведники просветятся в царстве Божиим, как солнце. Ах, ягодка моя, ведь это надо только подумать об их славе, каково оно будет. Я бы здесь, на земле, готов землю грызть, червям себя отдать, рабочей лошадейю быть, поганой собакой быть, лишь бы среди этих праведников быть. Люди как-то этого не понимают. Потом слышал я также, что грешники будут вечно мучиться в огне, но это, как ни тяжело страдать в таковых муках, еще не есть последнее наказание: самое большое наказание это то, что Бог навсегда отвернется от грешников». Семен заплакал. «Для меня муки не так страшны, страшно лишь то, что Бог лишит грешников Своей милости. Я как об этом подумаю, очень становится страшно. Я готов просить Бога не только о всех христианах, но и о тех, которые не крещенные, всех их становится жалко, очень жалко, жалко мне евреев, татар, угнетенников, самоубийц, жалко мне некрещенных младенцев, всех мне жаль, даже дьявола жаль. Вот, раб Божий, что я испытываю в сердце своем. Хорошо ли это или не хорошо, но у меня такое сердце».

Слова Семена переворачивали все мое существо, мне становилось как-то легко и светло на душе, минутами я плакал. Сердце мое наполнялось какой-то дивной невыразимой радостью...

«Семен Самсонович, – спросил я его, – как мне жить, чтобы угодить Богу?». – «Я думаю, вот ты теперь как живешь, если так проживешь всю свою жизнь, то спасешься».

«Ты знаешь, дедушка Семен, я от Бога ничего не желаю, даже не желаю и быть таким праведником, чтобы сиять подобно солнцу, но я желал бы всем своим существом любить Его так, чтобы больше меня Его никто не мог любить. Я бы хотел все, все забыть, забыть родителей,

забыть дом, забыть весь мир, забыть и себя и превратиться в одну любовь к Нему. Пусть я и не наследую царства Божия, пусть я и никогда не увижу Христа на том свете, но я хотел бы быть не человеком, а одной к Нему любовью. Я, Семен Самсонович, как-то в Лужках молился Богу и от этой молитвы я чуть не умер: у меня забилося сердце, выступил пот, и я повалился на землю, и в это время я не был собою, а был только одной дивной, как огонь, любовью. Вот этакою бы любовью я желал быть. Вот и теперь я ничего не прошу у Бога, кроме одной лишь любви к Нему. Я хотел бы так любить Бога, чтобы в этой любви мне совершенно истаять, сгореть и быть вечно только одной дивной любовью к Нему».

Семен Самсонович слушал меня. Наконец стало вечереть, солнце близилось к закату, мы попросились у крестьянина, не помню какого села, переночевать. Крестьянин нас принял с лаской, накормил нас. Под впечатлением дневного разговора мы долго не могли уснуть, но наконец сон взял свое и мы заснули крепким сном.

Дедушка Семен встал рано, разбудил и меня, хозяин нас накормил молоком, яйцами, и мы опять пошли дальше. Семен вспомнил наш вчерашний разговор и начал продолжать его в том же самом духе:

«Вот, раб Божий Ягорий, ты вчера говорил о любви к Богу, да, это было мне по сердцу, и что ж, если ты будешь просить у Бога такой любви, Он ведь всемогущ, может тебе и даровать ее. Ты только проси Бога. А было ли тебе когда-нибудь видение какое?». – «Нет». – «А ведь многим святым были видения». – «Дедушка, мне ничего не надо, я очень хотел бы превратиться в одну любовь, чистую любовь к Богу. Меня больше всего к этой любви влечет то, что Сам-то Бог, кажется, больше Себя любит Свое творение. Когда я вдумаясь: сколько на небе звезд, а на этих звездах, быть может, тоже кто-нибудь да живет, посмотрю на землю – все зеленеет, цветет, птички радуются, поют, кузнечики стрекочут, ах. Да как же Его не любить! Вот почему я хотел бы весь превратиться в любовь к Богу».

«Да, дитя мое, любить Бога – надо отречься от себя. Говорят, есть великие угодники Божии на старом Афоне, вот бы там привел Бог хоть один раз побывать, а потом уже и умирать можно».

Я за эти слова сразу ухватился. Мне было очень интересно знать, где этот Афон находится, но спросить Семена я не мог, не мог потому, что как-то еще не проник хорошенько в его слова. Я больше всего думал о любви к Богу. Мое детское сердце в это время от таких сладостных бесед все горело любовью к Господу. Было около полудня. Семен был задумчив. Шли мы лесом. Семен взглянул на меня, вздохнул и сказал:

«Сойдем немножечко с дороги в сторону и присядем, я устал». Свернули мы с ним с дороги и сели под дубом.

«Ягорий, давай-ка помолимся Господу Богу, Он ведь Отец наш», – сказал Семен.

Семен молился, стоя на ногах, а я стал на колени, когда же он запел своим старческим голосом «Отче наш» и пал на колени, тогда сразу загорелось мое сердце каким-то необыкновенным огнем любви, точно как в первый раз со мной было в Лужках: слезы заструились из моих очей, обильный пот выступил по мне, и я не мог удержаться от того, чтобы не утаить от Семена такое состояние души моей. Чем дальше пел Семен, тем все более и более наполнялась душа моя пламенем неизреченной любви к Богу. Так жаждал я в это время сгореть и превратиться в это сладкое пламя любви к Господу, стать одной любовью к своему Творцу.

Когда Семен кончил петь «Отче наш», я уже лежал на земле, совершенно обессиленный, изнеможенный от того огня, который горел в душе моей. Через час мы встали и отправились дальше. Шли мы молча, но на душе у нас было спокойно. Солнце уже закатывалось, а до ближайшего села было еще далеко.

«Семен Самсонович, – спросил я, – а ты вчера говорил о старом Афоне, если что знаешь, скажи мне о нем». – «На Афоне живут одни святые, избранные рабы Христовы, – начал говорить Семен. – Из них некоторые видели там Матерь Божию, а другие до самой смерти

своей видят Ее и беседуют с Ней. Так мне передавали те, кто был на этой святой горе. Вот бы тебе, моя ягодка, отправиться туда. Я думаю, что ты там будешь». – «У меня, дедушка, паспорт только на три месяца дан и денег только один рубль имею». – «Ягодка моя, если угодно Богу, то Он все тебе даст, и ты будешь на Афоне. Ты помнишь, что тебе сказал о. Иосиф в Задонске. Он предрек тебе быть на Афоне. Афон – жребий Божией Матери. Ты будешь на Афоне, так мое сердце говорит мне».

Дальше я не мог слушать, я упал к ногам Семена и горячо стал просить его, чтобы он помолился обо мне Царице Небесной. Видя меня лежащим у его ног, Семен заплакал, как ребенок, и, поднимая меня, говорил: «Я верю, что в нынешнем году будешь на Афоне, но оттуда вернешься опять в Россию».

Вошли мы в село, переночевали. Утром рано опять пошли дальше. Удивительное дело, чем дальше идем, тем я все более и более восхищаюсь творением живого Бога.

Всякий человек, всякое животное, букашки, кузнечики, цветы, всякая травка так мне близки, родны, что я даже целовал их, как своих родных братьев и сестер. Радостно мне было тогда! Как-то во время этого пути Семен заболел, мне было очень жаль его, я достал ему молока, попросил крестьянина истопить для него баню, крестьянин позволил, я вытопил баню, наносил воды, нагрел ее и повел Семена в баню. Выкупал я его, попарил как следует и на другой день Семен мой был здоров.

Так мы шли с ним в Киев. Каждый день мы в поле молились Богу, каждый день мы в поле беседовали о Боге, о царстве небесном. Легко было у нас на душе. Мы чувствовали себя владыками, царями на земле. Вся природа как бы ликовала с нами. Я особенно хорошо чувствовал себя, когда приходилось идти нам по полям и лесам. Будили мою душу жаворонки, соловьи, дрозды, щеглы, журавли, вообще все птицы, животные, леса и травы, а ночью звезды небесные. Шли мы так двадцать суток, на двадцать первом дне вступили мы в Киев. Здесь меня особенно поразило лаврское пение: мне казалось, если бы дьявол хотя бы один раз заглянул в Успенский храм этой лавры, то он, услышав лаврское пение, наверно покаялся бы.

В лавре я пробыл только несколько дней. Семен мой, посетив все святыни города Киева и распростившись со мной, отправился обратно домой, а я остался в Киеве. Пробыв еще несколько дней в лавре, я горячо помолился Господу Богу и решился пешком отправиться в Одессу, а оттуда и на святой Афон. Это было в начале так июня. Шел я больше по железной дороге, так как боялся заблудиться. Шел я один. Нужно сказать, что от самого Киева и до самой Одессы я чувствовал себя еще глубже утопающим в безбрежном океане любви Бога ко мне. Любовь Божия ощущается только любовью сердца к Богу. О, как хорошо любить Бога! Я никогда не забуду этих золотых дней моей жизни! С самого раннего утра, еще до восхода солнца отправляешься в путь, сладко становится на душе. Пшеница, овес, рожь, как море, колышутся то в одну, то в другую сторону, жаворонки поют, ласточки, как фейерверк, – возле и около тебя летают, и ты идешь, как властелин, переступая с ноги на ногу по дивному развернутому перед тобою разноцветному ковру чудной пахучей мягкой зелени. Ах, дивны дела Божии! Были дни и ночи, когда я окончательно умирал от любви к Богу. Все частички души и тела моего были охвачены пламенем любви ко Христу моему, одно слово «Христос», «Бог» моментально делало меня новым существом.

У меня было с собой русское Евангелие. Ежедневно среди хлебных полей садился я на песок или на какой-нибудь холмик, покрытый зеленью, и принимался горячо читать эту божественную книгу. Читая Евангелие, я приходил в такое торжественное настроение души, что откладывал Евангелие и предавался молитве. О, как тогда близок был ко мне Христос! Я Его ощущал в себе, ощущал во всех формах природы. Все как будто бы мне говорило: Христос во мне. Так говорили поля, леса, травы, цветы, камни, реки, горы, доли, – вся тварь. Все становилось Его храмом, Его обителью, не было такого предмета, малого и великого, чистого и нечистого, где бы я не ощущал своего Господа. Мне тогда казалось, что в одном грехе нет Христа,

а все творение, весь мир – храм, носитель Христа. Были дни, когда у меня от сильной любви к Богу пропадал аппетит, и я ничего не хотел ни пить, ни есть. Однажды как-то шел я лесом и увидел дикую козу с маленьким козленком, я уже дальше идти не мог, у меня подкосились ноги, я еле свернул с дороги, пал на колени и опять полилась моя молитва к Богу, и несколько часов простоял я тут на одном месте.

Эти дни моего путешествия в Одессу были самыми торжественными днями в моей жизни. Были в это время и светлые ночи, я неоднократно целые ночи проводил в торжестве духа. Ночевал я больше в поле. Но вот в каком-то местечке встречаюсь я с полицией: пристав спрашивает, кто я, откуда и требует вид. Когда он узнал, что я иду пешком на Афон, то так и покатился со смеха. Затем он повел меня к себе на квартиру, здесь он вторично спросил меня, и я сказал то же самое, но он уже не смеялся, а напоил меня чаем и дал двадцать копеек, и пошел я дальше. Помню, что с этого дня и до самой Одессы я не ночевал в домах, а все в поле. Нужно сказать, что я почему-то за эти дни стал избегать людей, по два, по три дня я ничего и во рту не имел, но чувствовал себя совершенно здоровым и сильным. Через пятнадцать дней я наконец добрался до Одессы. Как только я стал подходить к Одессе и увидел море (я его никогда не видел), то душа моя опять забилась ключом радости. Я весь в слезах смотрел на это море и все шептал: «Господи! Ты все можешь, проводи меня на Афон». Вступив в самый город, я прежде всего стал расспрашивать, где Пантелеимоновское подворье, и мне указали его.

Когда я пошел на ту улицу, где находится подворье, то прежде всего один бедняга, увидя, что я деревенский мальчишка, схватил у меня мою последнюю шубенку и убежал с ней. Я ничего ему не сказал, хотя и жаль было шубенки. Прихожу я на подворье. Монахи, видя меня таким замухрышкой, заинтересовались мною, стали расспрашивать и когда узнали, что я хочу быть на Афоне, то одни смеялись надо мною, другие же смотрели на меня как на ненормального мальчугана. Только один приласкал меня и сказал серьезно, что я, по своей крайней молодости, а затем как беглец от родителей, хотя бы имел и деньги и документы, все равно на Афоне быть не могу. Эти слова монаха как громом сразили меня. Я заплакал. Настала ночь. Я от тоски ни пить, ни есть не мог. Когда все паломники легли спать, я вышел из этой комнаты и в молитве начал изливать свою тоску. На заре я вернулся в ту комнату, где мне было отведено место среди других паломников, и лег спать. Во сне вижу икону святого великомученика Пантелеимона. Утром встал и отправился по городу искать себе какую-нибудь работу. Все, к кому я ни обращался, смеялись надо мною, а у меня слезы так и катились по щекам. Но вот, не помню, на какой улице подошел ко мне один господин, довольно прилично одетый, и, видя, что я так горько плачу, спросил меня: «Мальчик, о чем ты так сильно плачешь?» Я рассказал ему все подробно, как я ушел от родителей, как дошел до сего места и как я хочу быть на Афоне. Выслушав меня, господин ввел меня в свой дом, сел за письменный стол, написал мне прошение на имя градоначальника Зеленого и велел мне взять свои документы, вложить в это прошение и отправиться сейчас же к градоначальнику. Я так и сделал. Прихожу к градоначальнику. Когда градоначальник увидел меня, то засмеялся, тут же взял от меня прошение и начал читать, потом по телефону попросил настоятеля Пантелеимоновского подворья явиться к нему; когда настоятель явился, градоначальник указал ему на меня и велел отправить меня на счет монастыря на Афон.

Боже мой! Какою радостью тогда наполнилось сердце мое. Я не знал, как и благодарить Господа Бога за Его ко мне великую милость! А паломники один перед другим спешили расспрашивать меня, и все удивлялись провидению Божию, свершившемуся надо мной. На следующий день я вместе с паломниками отправился в Константинополь. Море на меня мало произвело впечатления. Но вот на третий день рано утром я увидел город необыкновенной красоты – Константинополь. Меня особенно поразило его местоположение и бесчисленное множество минаретов. В Константинополе мы пробыли дней пять и за это время обошли почти все святые места. Сильное неотразимое впечатление на меня произвел храм Св. Софии. Здесь я плакал, но

слезы мои были тоже чувством всеподавляющего страха и величия сего святилища Господня, я не скорбел, как другие, что этот храм стал мечетью – я с этим в душе своей смирился, зная, что и мечеть есть храм Божий. Был я также в турецких монастырях, где как-то странно вертятся дервиши.

Наконец наступил день нашего выезда из Константинополя прямо на святой Афон. Ехали мы несколько дней. Когда мы стали подъезжать к Афону, то я не мог равнодушно смотреть на это святое место: ноги мои дрожали, сердце билось... «Боже мой, – заговорил я сам себе, – вот где живут святые! вот где Царица Небесная появляется Своим праведникам! вот где почивает благодать Божия!» Появились на нашем пароходе афонские монахи, стали нас приглашать к себе, и я с другими паломниками отправился в Пантелеимоновский монастырь. Здесь мне не понравилось: монахи как-то холодны в своих между собой отношениях и это мне в них не нравилось. Из этого монастыря я отправился в Андреевский монастырь, и вот здесь мне очень понравилось.

Андреевцы почему-то обратили на меня свое внимание, особенно иеросхимонах Мартиниан, затем Иезекииль, Варнава и сам настоятель, великий Феоклит. Этот Феоклит был величайшим монахом в своей обители, он был необыкновенно кроток и смирен сердцем, до него и после него равного ему не было настоятеля в сей святой обители. Меня почему-то в этой обители называли японцем. Я предполагаю, что это потому, что у меня как-то губы выделялись, по ним мне дали афонцы такую странную кличку. Когда я стал уже числиться послушником сей святой обители, когда стал исполнять клиросное послушание, то душа моя как будто чем-то стала наполняться добрым, святым, светлым. Я ежедневно ходит к о. Мартиниану и открывал ему все свои мысли и чувства. Молитва в то время очень сильна была во мне. Каждый день я словно развивался, рос, совершенствовался, расширялся, но, несмотря на все это, я чувствовал, что мне не достает прежней природы. Вскоре я заболел ангиной, несколько раз сам настоятель о. Феоклит посещал меня больного. Через две недели я поправился, а затем меня, спустя некоторое время, отправили в Константинополь. Здесь я был поваром и тут же учился греческому языку, эллинской премудрости.

В Константинополе монахи меня любили и любили горячо. Часто ходил я тут по разным святым местам. Раз пошел я в Софию и встретил кучку мулл, муллы обступили меня, два из них хорошо говорили по-русски. Я вступил с ними в дружескую беседу, и они мне рассказали, что здесь, в сем храме гремели когда-то речи святого Иоанна Златоуста. Эти слова муллы так сильно на меня действовали, что я с этого момента почувствовал какое-то тяготение к проповедничеству. Я горячо просил Господа Бога и Царицу Небесную, чтобы и я стал проповедником. С этого времени я стал читать Священное Писание, святоотеческие книги, творения отцов Церкви. Более других я любил Оригена и Василия Великого.

В Константинополе я прожил несколько лет, затем вернулся опять на Афон и снова предался подвижнической жизни. Однажды, под день святой Троицы, после долгого стояния церковной службы, я вижу очень реальный сон: вот перед моими взорами разворачивается какой-то дивный сад, изрытый грядами, и эти гряды, подобно волнам, одна за другою тянутся цепью. На этих грядах растут необыкновенной красоты цветы, а между ними ходят мужчина и женщина, к каждому цветку подойдут, наклонятся и поют: «Рай мой, рай мой». Я проснулся и тут почувствовал, что я где-то был. С этой минуты я трое суток не пил, не ел, а только от какой-то внутренней радости беспрестанно плакал. Отец Мартиниан, видя меня в таком состоянии духа, радовался. Жизнь моя на Афоне, при всех моих стремлениях к духовному подвигу, встречала совне большие соблазны. Они появлялись главное в том, что афонцы больше самого дьявола боятся национального безразличия: для малоросса великоросс – сатана, а для великоросса малоросс – демон. Кроме того, они все, еще хуже того, разделяются на губернское, уездное землячества. Другой соблазн – построены в больших городах подворья, где монахи совершенно погибают. Третий соблазн – самый коренной – деньги! деньги! и деньги! Я не раз с

некоторыми монахами пытался откровенно беседовать об этих соблазнах, но всегда приходилось им уступать, потому что они приходили в озлобление. Больших подвижников я не видел там. Если и приходилось сближаться с некоторыми подвижниками, то я скоро в них разочаровывался, разочаровывался я в них потому, что у них, как я замечал, при всех их духовных подвигах отсутствовала нравственная сторона в жизни, особенно это было заметно по отношению к ближним!

Так я прожил некоторое время на Афоне; а потом настоятель решил меня отправить в Петроград, тоже на подворье. Тут я случайно познакомился со старшим келейником митрополита Палладия и он представил меня митрополиту, а последний на свой счет отправил меня в Сибирь, в Томск к епископу Макарию, а епископ Макарий к начальнику Алтайской духовной миссии.

Этой первой главой заканчиваются золотые годы моего детства! Отсюда наступает новая эра моей жизни – эра от света к мраку!

II

Настал для меня час, когда правда Христова обязывает меня открыто перед христианским миром исповедовать то, что совершилось надо мной, как над одним из величайших грешников, по неисповедимым судьбам Божиим. В этой моей исповеди я хочу откровенно рассказать о своей трагической религиозной жизни, которая, со своими духовными обрывами, падениями, непроходимыми соблазнами, всякого рода отречениями от Христа и плотскими искушениями почти беспрерывно тянулась двадцать три года. Итак, начну со времени моего отъезда в Сибирь. С этого момента, как я отбыл из Петрограда в Сибирь, я стал чувствовать, что моя любовь ко Христу начала постепенно умалаться, гаснуть, плотские же пожелания, страсти, все чаще и чаще, все сильнее и сильнее поднимались во мне и давали осязательно знать о себе. Эти мои плотские страсти временами принимали прямо стихийный характер. Они настолько были сильны во мне, что периодами я просто терял рассудок и совершенно от них изнемогал. Несмотря на это, я все же неустанно с ними боролся, и боролся отчаянно. Мне тогда казалось, что если я не устою в борьбе со страстями, значит, я бесповоротно и окончательно погибну. Я уже в самые моменты приливов страстей с грустью в сердце прозревал, что всякие соблазны и плотские страсти возникают в человеке исключительно за счет духовной Евангельской жизни. Если эти плотские страсти возьмут надо мною верх – думал я – то, значит, любовь моя ко Христу, как основа моей жизни, должна во мне окончательно рухнуть, и тогда вся моя духовная христианская жизнь превратится в жалкий прах. Этого-то ужаса я страшно и боялся, да и было чего бояться. Я уже тогда сознавал всю опасность плотских пожеланий; я чувствовал, что в моменты прилива страстей душа моя не была способна ни любить Христа, ни молиться Ему, ни даже ясно и твердо верить в Него. Не без основания я думал тогда, что самая духовная смерть для религиозной жизни христианина скрывается именно в чувственной его жизни. Когда же утихали во мне плотские пожелания и страсти, тогда снова светлый луч моего любовного тяготения ко Христу загорался в моей душе, и я глубоко чувствовал, как мне было радостно и весело ощущать Его в себе. В такие моменты я не раз думал и размышлял о том, как бы мне раз навсегда удержать в себе этот всеосвящающий светозарный луч, наполняющий все мое существо неизреченною для меня духовною радостью. Я по своему личному опыту знаю, что значит порываться и тяготеть к Богу. Это такой момент в жизни человека, когда вся человеческая сущность опознает себя, что она не от мира сего, что ее родина – Царство Бога, что ее отечество там, где победоносно торжествует одна чистая воля Святого Духа. И вот, несмотря на мое такое пламенное желание удержать сей небесный луч в своей душе, я все же чувствовал и сознавал, что, к великому моему горю, он все реже и реже стал посещать меня, все реже и реже проникал в мою мрачную и одинокую душу. Когда я побывал в Томске и прибыл оттуда в Бийск, то остался в этом городе жить в архиерейском доме, под руководством умного и доброго начальника Алтайской духовной миссии епископа Мефодия. Через некоторое время меня, в качестве псаломщика, прикомандировали к крестному ходу, который в то время ежегодно ходил с иконой святого великомученика Пантелеймона по окрестным селам и деревням. Находясь при крестном ходе, я чувствовал себя словно на самом страшном вулкане, со всех сторон охваченным адским пламенем. Мне приходилось в то время вращаться почти исключительно в среде женщин. Страсти и плотские пожелания не давали мне покоя. Я был еще честным невинным юношей. О, как тогда горячо я молился. Целые ночи я проводил в молитве, умоляя Бога подкрепить меня в непосильном для меня труде и подвиге. В это же время мне приходилось при крестном ходе ежедневно, по несколько раз в день произносить проповеди. Не скрою, что по силе духа – свидетель Христос – проповеди мои были необыкновенные, они настолько потрясали сердца слушателей, что часто многотысячная толпа людей от слез переходила к рыданию, а от рыдания к всеобщему публичному покаянию, полному тро-

гательного раскаяния в своих грехах. Эти мои проповеди были для меня гранитной опорой в борьбе с моими плотскими пожеланиями. Кроме проповедей, я каждый день, с раннего утра и до позднего вечера, ходил из дома в дом и пел молебны. И вот, казалось, неся такой тяжелый труд, мне ли гореть пламенем плотских страстей? Но, как это ни странно, я не только ощущал их в себе, не только горел ими, но часто мучился и страдал от них даже до полного изнеможения. Временами прямо до отчаяния я доходил от них, так тяжело мне было. Особенно тяжело мне было в то время еще и потому, что я чувствовал и твердо признавал, что мои стремления и отношения ко Христу со дня на день становились все слабее и слабее. Молиться Христу так горячо, как прежде, я уже не мог; вера моя в Него становилась слабой; любовь ко Христу вспыхивала в моей душе изредка и слабо, и вся прежняя моя прочная органическая живая связь со Христом почти окончательно порывалась, духовная же жизнь приходила к быстрому умиранию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.